

В рамках города эти отношения не имели перспектив. Колон здесь, как бы ни было низко его положение, оставался гражданином и не мог попасть в юридическую зависимость от землевладельца, хотя на практике его личная зависимость от последнего становилась все более крепкой, часто оформляясь как отношения «благотетеля» и «благотетельствованного», патрона и клиента, могущественного и «маленького», друга, соседей и т. п.²² С другой стороны, раб, посаженный на землю, не мог приобрести прав, приближавших его к зависимому крестьянину, поскольку в коллективе граждан города никаких прав он иметь не мог, оставаясь только собственностью господина. На территории города не было места сельской общине, так как античная форма собственности знала только индивидуальную и принадлежавшую всему гражданскому коллективу собственность и непосредственную связь гражданина с городом, тогда как община предполагает и иной вид собственности, и иной вид связи ее сочленов с государством. Недаром поэтому в эпоху урбанизации правительство стимулировало разложение общин, и, напротив, по мере того как урбанизация прекращается, множится число сел и различных организаций (родовых, племенных, соседских), которые, видимо, также конституировались как общины. Существование хотя бы уже до пределов деформированного античного города задерживало естественный для создавшихся условий отлив городского плебса в сельские местности, где его труд мог бы найти более целесообразное применение. Положение, сложившееся в издавна урбанизированной и рано попавшей в период застоя и кризиса Греции, как оно отображено в знаменитой Эвбейской речи Диона Хрисостома, стало характерным для всех областей с высокоразвитым муниципальным строем: городские земли в значительной мере оставались необработанными, и вместе с тем в городах скапливалось множество безработной бедноты, содержание которой ложилось дополнительным тяжелым бременем на сограждан.

Таким образом, со всех точек зрения античный город становился тор-мозом для утверждения отношений, развивавшихся в сосуществовавших с ним укладах. Полный простор им мог открыться только с его уничтожением. Это, конечно, не означает, что гибель античной системы предполагала обязательное разрушение городов вообще. Они могли сохраняться и действительно сохранялись как торгово-ремесленные, административные, культурные центры. Могли в них долгое время оставаться и элементы прежнего устройства — магистратуры, курии, становившиеся составной частью административного устройства тех государств, в состав которых вошли старые города. Как известно, в переходные периоды всегда наличествуют более или менее значительные элементы старого, что, однако, не свидетельствует о сохранении основы старых отношений. Города продолжали существовать, но уже не основывались на античной форме собственности.

Можно полагать, что процесс разложения античной формы собственности и тесно связанный с ним обратный процесс возрождения и укрепления общин и крупных имений на внегородских территориях является важнейшим фактором перехода от античности к феодализму, более показательным и симптоматичным, чем, например, изменения в соотношении удельного веса труда рабов и колоннов, изменение положения тех и других и т. д. Проходившие на эти темы дискуссии показали, что соответствующие данные источников или неполны, или могут интерпретироваться весьма различно, причем каждая интерпретация опирается на более или менее убедительные аргументы. Почти для любого периода и для любой области Римской империи, а также долгое время и для сменивших ее го-

²² Е. М. Штаерман. Мораль и религия. . . , стр. 58—67.